

С. О. ШМИДТ

Заметки о языке посланий Ивана Грозного

Произведения Ивана Грозного, в особенности послания, могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы, как справедливо отмечает В. П. Адрианова-Перетц, редактор первого собрания его избранных сочинений.¹

Задача статьи — установление некоторых особенностей лексики и стилистики посланий Ивана Грозного,² а также возможных литературных и фольклорных воздействий на его сочинения. Без такого рода конкретных наблюдений немыслимо обобщение данных о Грозном-писателе.

Размышляя над особенностями развития русского литературного языка, А. С. Пушкин отмечал, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». ³ Сближение это прослеживается примерно с XVI столетия. «Воссоздание языка» и «национальное пробуждение»,⁴ сопутствовавшие сплочению национальных областей в единое Российское государство, способствовали освобождению литературного языка как от областнических тенденций, так и от излишней, чуждой народу церковно-славянщины. В литературный язык постепенно все более и более внедряются элементы разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Постепенно расширяется, обмирщается и тематика литературных произведений. Все эти новые явления отразились в посланиях Ивана Грозного.

Грозный решительнее и прежде других публицистов той поры нарушал литературные каноны. Выдающийся мастер русского языка писатель-академик А. Н. Толстой в 1934 г. в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей указывал, что в век, когда писатели пользовались еще «вымершими формами церковно-славянского языка» и «народная живая речь считалась подлой», именно «бешеный темперамент Ивана Грозного... прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни».⁵

В письменной речи Грозного скрещиваются книжные и обиходные средства языка. С рассуждениями о государственном благе и толкова-

¹ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 449. (В дальнейшем все цитаты из посланий Ивана Грозного даются по этому изданию с указанием страницы).

² Отдельные положения статьи были кратко изложены в рецензии на «Послания Ивана Грозного»: ИОРЯС, 1952, т. XI, в. 4.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 27.

⁴ В. И. Ленин. Национальный вопрос. (Тезисы по памяти). — Ленинский сборник, т. XXX, стр. 62.

⁵ А. Н. Толстой. О драматургии. Гос. изд. худож. лит., 1934, стр. 19.

ниями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и, соответственно, тяжело-весная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же не сдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений («занеже слово мимощественно, а не поостоятельно» (стр. 206)), а ближайšie его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, нагромождение плохо соединенных между собою цитат. Но отсюда же и непосредственность изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым».⁶

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы.⁷ Это обусловлено и характером образования Грозного⁸ и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы; ссылки на дьявола как вдохновителя «злых» дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т. п. Иван Грозный, как было отмечено В. П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем.⁹

Церковнообразовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов,¹⁰ с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с «благо», «зло».¹¹

Иван Грозный неизменно цитирует «священные книги». Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования «строками» или «стихами». У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми».¹²

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, упо-

⁶ Сочинения князя Курбского. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 113.

⁷ Данные такого рода обобщены в исследовании С. Д. Никифорова:

1) Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного. — Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. инст., т. 1, 1941, стр. 59—85; 2) Из наблюдений над значением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XVI в. — Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. XLI, 1948, стр. 19—76, а также в его учебном пособии «История русского литературного языка» (М., 1947, стр. 34—35).

⁸ Курбский особо отмечает познания Ивана IV в «священных писаниях»: «ведущая священного писания искусства», «ведаю ты во священных писаниях искусства» (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 129, 148).

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 62.

¹⁰ О синонимике имен существительных в сочинениях Грозного см. автореферат кандидатской диссертации М. И. Помыгаловой «Лексика посланий Ивана Грозного» (Л., 1954).

¹¹ См.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 19—24.

¹² РИБ, т. XXXI, стлб. 113.

требляя риторические вопросы, сопровождаемые восклицаниями и повторами.

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы деловой письменности. В творчестве Ивана Грозного это отразилось и на словарном составе его посланий, и на их форме (последовательности изложения).

Имеются прямые указания на хорошее знакомство Грозного с документальными материалами Царского архива, являвшегося в середине XVI в. архивом Боярской думы. Грозный не раз посещал архив, причем как раз в годы написания изучаемых посланий. Некоторые документы пересылались в его личный архив, в Александровскую слободу.¹³ Грозный принимал деятельное участие в составлении многих документов внутренней и особенно внешней политики. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание.¹⁴ Языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты чутко воспринимаются и повторяются Грозным, составляя неотъемлемую черту его лексики. Именно знание приказного делопроизводства позволило Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Семиону Бекбулатовичу со стандартными выражениями, вроде «памятьми ссылатися», «полные имати», «к тебе, ко государю, имяна их списки принесем», «и ты б, государь, милость показал», «государь, смилуйся, пожалуй!» (стр. 195—196). Любопытны и пародии на традиционную форму дипломатических грамот (стр. 586, прим. 8; стр. 681, прим. 5, и др.).

Встречается в сочинениях Грозного и местническая терминология: «Много же не в Тимохину версту обрящеши», — писал он в первом послании Курбскому (стр. 16); «И сами Прозоровские каковы пред нами? Ино то уж мы в ногу не судим?.. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился?», — возмущенно спрашивал Грозный во Втором послании Курбскому (стр. 209, 210).

Известная формула Грозного о правах русских государей, которые «вольны были подвластных жаловати и казнити» (стр. 44), близка к формулировке посольских книг. Так, в Польской посольской книге 1562—1563 гг. читаем сходные слова: «Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати».¹⁵

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким.

Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены и ответные послания Грозного. Особенно ярко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные

¹³ ААЭ, т. 1, № 289; ЦГАДА, ф. 138, Опись Архива Посольского приказа 1614 г.; А. Н. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке. Киев, 1889, стр. 10; С. О. Шмидт. Царский архив XVI в. и архивы правительственных учреждений. — Труды Моск. гос. историко-архивн. инст., т. VIII. М., 1957, стр. 271.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 370 и сл.

¹⁵ Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: СРИО), т. 71, стр. 110.

повторения, цитирование текста, в пространном Первом послании Курбскому.¹⁶ Так, в ответ на обвинение Курбского: «аще и тьмами хвалишася в гордости своей»,¹⁷ Грозный, подхватив эти слова, выдвинул контр-обвинение и, варьируя, настойчиво повторял его: «гордостию дмяся хвалишися» (стр. 46), «безумием дмяся хвалишися» (стр. 47), «гордостию дмяся выше меры» (стр. 62). Во Втором послании Курбскому Грозный снова возвращается к сходной фразе: «написах... не гордяся, не дмяся» (стр. 211). Курбский в ответе на Второе послание также не преминул отпарировать удар сходными словами: «...от преизлишного надмения и гордости, мнящеся о себе мудр всеа вселенныя учитель быти».¹⁸ Подхватывает Грозный и слова Курбского о «далноконных градах» (стр. 211).¹⁹ Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснять и наличие в некоторых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности наличие полонизмов и западно-русизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию. Это заметно даже в бранно-презрительной лексике посланий: «зрада» (стр. 218, 246), «зрадцы» (стр. 213, 218, 221, 246, 262), «зрадिति» (стр. 275), «зрадный» (стр. 262), «лотры» (стр. 237, 242, 264), «лотровский» (стр. 255, 264, 274), «шкода» (стр. 206, 214, 237) и др.²⁰

Такое приспособление речи к языку и пониманию адресата характерно для современных Грозному посольских документов. Оно отразилось даже в передаче царского титула. Так, в грамоте крымскому хану, отправленной в декабре 1562 г., Иван Грозный титулуется «царем и великим князем всеа Русии, Московским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Немецким и «иных великие Орды».²¹

Употребление иностранных слов вместо тождественных русских характерно также для современных Грозному посольских документов. Русские послы в Польше, например, пользуются таким смешанным языком, рассказывая о жизни бежавших туда русских служилых людей: «А ныне его все израдою и лотром и чают на него от короля опалы не вдолге, Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут что полская рада вся его не любит». В этом отношении интересны и тюркизмы в послании Василия Грязного Ивану IV: «кадамы», «нолны», «толмачить».²²

У Грозного, как и у Пересветова, деловая и художественная проза сливаются.²³ Элементы деловой речи, так же как и полонизмы, употреблялись Грозным для придания речи большей выразительности, расширяя художественные средства публицистической литературы.

Многосторонне представлена в посланиях Грозного обиходная разговорная речь, обнаруживаемая и в бытовом словаре, и в самом синтаксическом строе речи.²⁴

¹⁶ Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — Послания Ивана Грозного, стр. 530.

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 6.

¹⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 153.

¹⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 4, прим. 26.

²⁰ О польской лексике в сочинениях Ивана Грозного см. автореферат кандидатской диссертации В. И. Тамань «О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в.» (Л., 1953).

²¹ ЦГАДА, Крымские книги, № 10, л. 12.

²² П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 533.

²³ Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 55.

²⁴ См.: С. А. Савицкая. Особенности языка посланий Ивана Грозного. Автореф. канд. дисс. Львов, 1953. — С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком и стилем.

«Разговорные речи» (стр. 215) сближают писателя с его корреспондентом Васюшкой Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, мало употребительные в письменных памятниках. Те же черты свойственны и посланию в Кирилло-Белозерский монастырь²⁵ против «пагубного монастырского бесчиния» (стр. 177), и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный-писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи «народными обещещиваются».

Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высочайший стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах и о мелких бытовых подробностях. Это наблюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику («туто же...»), и за выражение мыслей «варварским языком», языком простых людей, называя его писание «баснями неистовых баб» («еж не токмо цареви... но и простому воину сие было не достойно»)²⁶.

В «Очерках поэтического стиля древней Руси» В. П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова «собака» в иносказательном смысле «изменник» и т. д.²⁷

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: «На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой» (стр. 31); «Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому» (стр. 173).²⁸

Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых играх, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе.

По-видимому, под «излишними играми презлых сверстников», о которых Курбскому было писать «срамно»,²⁹ можно понимать народные

²⁵ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — Послания Ивана Грозного, стр. 465.

²⁶ «Тут же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детям со удивлением и смехом... Не достант мужем рыцарским свариться, аки рабом,— читаем в «кратком» ответе на Первое послание Грозного (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 116); «А еще пишеши о Курлятеве, о Прозоровскихх и о Ситцких, и не вем о яких узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни...», «не достант нам воинном, яко рабом свариться», — отвечает Курбский во Втором послании (РИБ, т. XXXI, стлб. 134—135).

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 37, 92, 93.

²⁸ Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова: «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?» (стр. 179). (Сравнить: «... тако же и хололу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени» — «Слово Даниила Заточника». Приготовил к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 61).

²⁹ РИБ, т. XXXI, стр. 169

игрища полуязыческого происхождения. В «Пискаревском летописце» так описываются «потехи» юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался».³⁰ Тот же летописец расширяет и наши представления о «пирах частых со многими пьянствы», описанных Курбским.³¹ Опившиеся гости на таких пирах глумились «всяким глумлением: . . . овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати».³²

Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку.³³ Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных «по выход», Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии отвечал послам: «Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т. е. крымский хан, — С. Ш.) зделал? Все де мое царьство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю».³⁴ В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо, (во всяком случае в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр в июне 1547 г., припугнув юношу-царя «детскими страшилы».³⁵

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном «старинные истории, сказки и фантазии за одной другую».³⁶ По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани.³⁷

Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи.

В посланиях, особенно написанных в ответ на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многую яростию и лютостию» как бы наслаиваются

³⁰ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 73—74, 159.

³¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 267.

³² О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 85.

³³ Послание И. Таубе и Э. Крузе. Перевод М. Г. Рогинского. — Русск. истор. журн., 1922, кн. 8, стр. 49. То же писал и Гваньини (там же, стр. 20, предисловие).

³⁴ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 80.

³⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 57, 121; РИБ, т. XXXI, стлб. 169. Заклинания Сильвестра на фоне «зельнейшего московского пожара» в дни массового восстания «черных людей», убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю. В. Глинского и угрожавших самому царю, должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее чем через четыре года он вспоминал: «и отсего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя» (Стоглав, 1863 стр. 31).

³⁶ Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 39—40.

³⁷ А. Олсариий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Пер. А. Ловягина. СПб., 1906, стр. 373.

одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла (выражения Курбского).³⁸ Показательно в этом отношении окончание Первого послания Курбскому. Оставляя по существу без ответа одно из обвинений Курбского, Грозный, распаляясь, подменяет ответ руганью: «От Кроновых де жерцех еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси... сия убо вся злобесным своим умышлением, писал еси» (стр. 62). Следующие затем листы послания буквально испещрены «нечистыми и кусательными глаголами»: ³⁹ называя город Вольмер вотчиной короля, Курбский «свою злобесную собацкую измену до конца совершает»; государя он нашел «по своему злобесному собацкому хотению», и послание его от беса («по своему злобесному изменному собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистовся, бесному подобясь, колебяся, писал еси»). Такое неистовство брани типично для литературного стиля Грозного, а возможно, и для его устной речи. Неслучайно подобный лексикон имел место в период жизни Грозного, который Маркс метко и правдиво назвал «периодом сумасбродств».⁴⁰

Для бранно-презрительной лексики Грозного характерны слова «бес», «зло», «собака», встречающиеся в различных сочетаниях. Слова эти часто употребляются Грозным вместе, давая сложные словообразования.

Грозный употребляет и существительное «бес», «бесы» (стр. 10, 61, 208), и глагольные формы «бесящися» (стр. 32), «возбеснев» (стр. 268, 270), и прилагательные «бесный» (стр. 16, 63), «бесов сын», (стр. 175), «бешеный», («бешеная собака» — стр. 247, 273). Часто встречается прилагательное «бесовский» (ая, ое, ие), в сочетании со словами: «держава» (стр. 30, 271), «тьма» (стр. 268), «обычай» (стр. 10, 14), «коварство» (стр. 270), «злохитрие» (стр. 62), «хотение» (стр. 43), «козни» (стр. 269), «служители» (стр. 19), «слухи» (стр. 11). Интересны и такие определения, как «бесоизвыкшие друзья» (стр. 10), «бесосоставная грамота» (стр. 270), «бесоподобная гордость» (стр. 270), «бесослужительный разум» (стр. 270).

Слово «бес» привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников». В таком же смысле оно было употребительно и в официальных дипломатических документах. Например, в «памяти» посланнику в Польшу от февраля 1569 г. указывалось, в случае если Курбский «или иной которой государев изменник» начнет разговор, отвечать: «А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем...».⁴¹

Еще чаще встречаются в сочинениях Грозного прилагательное «злой»: «злая воля», «злые деяния», «злая ненависть», «злые советники», «злой совет» — «избранная рада» (стр. 40, 38) и т. п., а также сложные слова с существительным «зло»: «злодеяние» (стр. 15, 20), «злодейство» (стр. 11, 163, 178), «злокозньство» (стр. 176), «злосоветие» (стр. 48), «зломис» (стр. 54), «злохитрие» (стр. 43), «злохитрство» (стр. 167), «злочестие» (стр. 15), «злодейственный» (стр. 12, 20, 22), «зловерный» (стр. 29), «злокозненный» (стр. 192), «злотукавый» (стр. 14—16, 19, 270), «злотворящие» (стр. 19), «злочестив» (стр. 38) и др. Подобные словообразования — типичная черта многих выдающихся древнерусских

³⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 116, 129.

³⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 116. Курбский, особо стыдя Грозного за его «варварскую» речь, писал: «то есть неподобных людей и лотров обычай, что язык свой за укоризну обращати» (РИБ, т. XXXI, стлб. 275).

⁴⁰ К. Маркс. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

⁴¹ СРЮ, т. 71, стр. 593.

писателей, ощущавших потребность во внешне новом и в то же время стоявших на путях церковно-книжной традиции.⁴²

Излюбленный прием Грозного — использование сложных прилагательных, состоящих из слов «зло» и «бес»: «злосбесный» в сочетании со следующими существительными: «единомышленник» (стр. 16), «измена» (стр. 62), «изменник» (стр. 59), «обычай» (стр. 17, 19, 20), «разум» (стр. 20, 29, 56, 60), «пес» (стр. 175), «востание» (стр. 18), «умышление» (стр. 11, 15, 54, 61, 63), «хотение» (стр. 62), «претыкания» (стр. 49), «злосбесовный обычай» (стр. 271), «злосбесовский» со словами «кознь» (стр. 272), «козни» (стр. 268, 272), «советники» (стр. 14).

Многочратно употребляются Грозным и слово «собака»,⁴³ и различные словообразования, с ним связанные. Слова эти, как правило, употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

«Собака» — обычное обращение Грозного к Курбскому (стр. 16, 31, 32 — «бешеная собака», 35, 36 и др.). «Собаки» и изменник князь С. Ростовский (стр. 40), и руководитель правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев (стр. 36, 41), гетман Гр. Хоткевич — «бешеная собака» (стр. 247, 473), «Избранная рада» — «собацкая власть» (стр. 48) и т. д.

Слово «собака» прочно связывается в сознании и языке Грозного с понятием об измене, а нередко и со словом «измена»: «собака изменник князь Семен Ростовской» (стр. 40), «измены собаки Олексея Адашева» (стр. 41); изменники это — «собацкие люди» (стр. 269, 271); уста изменника — «собацкой рот» (стр. 276). Иногда оба слова употребляются вместе: «собацкая измена» (стр. 62, 136), «собацкое изменное хотение и умышление» (стр. 63), «собацкой изменный обычай» (стр. 13, 29), но чаще Грозный ограничивается употреблением в индизнавательном смысле одного лишь слова «собака» («собацкий»); «собацкий обычай» (стр. 276), «ино таких собак везде казнят» (стр. 31) и т. п.

Слово «собака» в значении «изменник» было в то время употребительно и в просторечии и в делопроизводственных документах. Так называет изменника Кудеяра Василий Грязной.⁴⁴ В этом же смысле слово «собака» встречается и в посольских наказах. На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: «Курбской государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет».⁴⁵ Сходная формулировка и в наказе другому послу, обязанному об измене Дмитрия Вишневецкого «молвити»: «притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же».⁴⁶ Распространены были, следовательно, особые выражения: «притечь собакою», «потечь собакою». Это отразилось и на употреблении соответствующих глаголов: в посольском отчете 1571 г. об изменнике князе Михаиле Ноготкове-Оболенском написано: «а ныне вести про него нет, жив ли будет или додох».⁴⁷ Подобные выражения, очевидно, и входили в представление о «лае», когда

⁴² Л. А. Булаховский. Исторический комментарий... стр. 23—24; А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 363 и сл.

⁴³ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1945, стр. 319

⁴⁴ П. А. Садииков. Очерки по истории опричнины, стр. 533.

⁴⁵ СРЮ, т. 71, стр. 321—322.

⁴⁶ СРЮ, т. 71, стр. 156.

⁴⁷ СРЮ, т. 71, стр. 807.

посланнику в Польше (1569 г.) откровенно наказывалось изменнику, «излаяв, да плюнути в глаза».⁴⁸

Слово «собака» в значении «изменник» перешло в литературу из устного эпоса;⁴⁹ в словаре И. И. Срезневского оно в таком переносном смысле не отмечено, и возможно, что его распространение в литературе и делопроизводстве связано с Грозным (воздействие языка Грозного на язык посольских книг несомненно).

Значительно дальше от просторечия и фольклора слово «пес» в иносказательном смысле «дурной человек», встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени.⁵⁰ Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом. Грозный употребляет его и без эпитета в смысле злостного лжеца: «подобно псу лая» (стр. 61), «яко же псу нелепая глаголеше» (стр. 62), и с эпитетами: Курбского называет «псом смердящим злобесным изменником» (стр. 59), Василия Собакина — «злобесным псом» (стр. 175) и даже самого себя — уничижительно и покаянно «смердящим псом» (стр. 162). В таком же смысле и также с эпитетом употребляет слово «пес» и Курбский в «Истории о великом князе московском», называя крымского хана Девлет-Гирея «псом бусурманским».⁵¹

Того же Девлет-Гирея Курбский называет и «бусурманским волком».⁵² В древней русской литературе было распространено уподобление жестокости и жадности человека свойствам волка.⁵³ Этим же образом пользовался и Грозный, характеризуя Сильвестра.⁵⁴ Близость лексики Грозного и Курбского прослеживается и на употреблении обоими писателями слова «ехидна». Качествам ехидны уподобляется в их представлении жестокость, злорада, коварство. Это, по мнению Грозного, свойства враждебных ему бояр и Курбского.⁵⁵ В свою очередь Курбский называет советников царя, осудивших Адашева и Сильвестра, «лукавыми, презлыми, ехитниными отротами».⁵⁶

Близость образной лексики Грозного и Курбского заметна, однако, только при использовании литературных традиций. На стиль Курбского просторечие, устный эпос, так же как и деловая речь, оказали значительно меньшее воздействие. Курбский считал их «варварскими».

Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого

⁴⁸ СРИО, т. 71, стр. 593.

⁴⁹ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93. В таком переносном смысле слово «собака» дошло до наших дней: «собаке — собачья смерть» (см.: «Словарь» В. Даля, т. IV, стр. 251—252).

⁵⁰ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93.

⁵¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 270.

⁵² РИБ, т. XXXI, стлб. 269.

⁵³ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 95—97, 99—102. В этом же смысле употреблено слово «волки» и в Никоновской летописи, в известном Приговоре об отмене кормлений 1555 г. (ПСРА, т. XIII, стр. 267).

⁵⁴ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 101.

⁵⁵ Там же, стр. 92.

⁵⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 267. Воздействие сходных литературных источников сказывается, например, и на характерном употреблении слова «трость». В «Кратком ответе» на Первое послание царя Курбский писал: «удержа руку со тростию» (РИБ, т. XXXI, стлб. 115); во Втором послании Грозного Курбскому, написанном до получения этого ответа, тоже читаем сходные выражения: «сега ради трость наша наострися к тебе писати» (Послания Ивана Грозного, стр. 210).

послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковно-славянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства. Знарок приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности.

Таким образом, в языке посланий Ивана Грозного наблюдается и проникновение в литературный язык, в основе еще церковно-славянский, элементов просторечия, живой разговорной речи и деловой письменности, и воздействие устного народного творчества, и иноязычные влияния, и, наконец, воздействие лучших образцов древней русской литературы, стилистическая близость с которыми несомненна.⁵⁷ Творчество Ивана Грозного имело большое значение в процессе развития русского литературного языка той поры.

⁵⁷ Грозный знал памятники древнерусской литературы. При исключительной памяти и начетнической практике обучения Грозный многое помнил наизусть и невольно, быть может, воспроизводил в своих сочинениях. Грозный хорошо знал летописи, по словам Курбского, «добре веси от летописцов Руских» (РИБ, т. XXXI, столб. 133). Официальные летописи хранились в его личном архиве — «Государевой казне» — и в хорошо ему знакомом Царском архиве. Грозный не раз ссылался на летописные тексты: в разговоре с боярами в Александровской слободе в момент учреждения опричнины (Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 33), в послании шведскому королю Иоганну III (там же, стр. 157) и т. д. Предполагается даже его участие в редактировании лицевых сводов (Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, т. 23. М., 1947).

В кругу приближенных молодого царя — «Избранной раде» — интересовались вопросами литературы. Непосредственно для Ивана IV предназначались некоторые публицистические сочинения; среди них особо выделяются сочинения Пересветова. По предположению М. А. Соколовой, с этой целью Сильвестром было написано особое предисловие к «Домострою» (М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Автореф. докт. дис. Л., 1952, стр. 23—24). Послание к юноше Ивану IV составил Максим Грек. Влияние текста послания чувствуется в словах Грозного о приближении А. Ф. Адашева в Первом послании Курбскому: «тако взяв его от гноища и учиних с вельможами» (там же, стр. 37). В послании Максима Грека читаем о власти бога: «от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими» (Максим Грек. Сочинения, т. II, Казань, 1859, стр. 348).